

УДК 1(091)

doi 10.17072/2219-3111-2018-3-75-81

НАУКА И ЖИЗНЕННЫЙ МИР. ВИТГЕНШТЕЙН И ЕГО ВРЕМЯ¹**Ф. А. Муниц**

Альпийско-Адриатический университет Клагенфурт, Австрия,
9020, Клагенфурт, Университетская улица, 65-67
volker.munz@aau.at

Доказывается, что феномен Витгенштейна надо анализировать исходя из тесной связи научного, литературного и художественного контекста его творчества с жизненным миром, существовавшим в Вене на рубеже веков. Отмечается, что «Логико-философский трактат» Витгенштейна следует понимать только на фоне дневников военного времени и с учетом того, что в этих дневниках важную роль играют сделанные тайнописью заметки. Дневники 1914–1916 гг. содержат значительные аспекты, которые были развиты, исходя из закодированных включений этого времени. Именно они передают личное видение Витгенштейном различных тем. В этих записях, которые велись более двух лет, четко прослеживается тесная связь личных, или, иначе, «нефилософских», замечаний и рассмотрения Витгенштейном логических и метафизических вопросов. Ранние дневники философа содержат записи, которые интересным образом разделены на закодированные и незакодированные. Наряду с замечаниями личного характера есть заметки, посвященные прежде всего той сфере, которая в указанном трактате обозначена как «то, о чем нельзя сказать» или как «невыразимое», – то есть этике, эстетике и религии. Некоторые метафизические идеи из его дневников, в том числе закодированные в записях, позднее вошли в трактат. Достаточно часто обнаруживается связь исключительного, экстраординарного состояния – войны – с философскими рассуждениями Витгенштейна. При описании мучительно трудных решений логико-философских проблем часто используются метафорические выражения из военного словаря, например, в случае, когда его «осаждают» философские проблемы или он намерен «штурмовать крепость».

Ключевые слова: культура Вены на рубеже XIX и XX вв., «Логико-философский трактат», дневники военного времени Л. Витгенштейна, «невыразимое», этика.

Жизненный мир, наука и искусство

И шестьдесят лет спустя после его смерти интерес к философии Витгенштейна по-прежнему сохраняется. За последние два или три десятилетия становится заметным и растущий интерес к личности Людвигу Витгенштейна и ее социокультурному фону. Объяснением этого может быть допущение тесной связи между научным, литературным и художественным контекстом его творчества и жизненным миром, в котором оно возникло. Я хотел бы несколько точнее проиллюстрировать этот тезис, в частности, на материале личного конфликта Витгенштейна с обстоятельствами его времени, а также с учетом его дневниковых записей 1914–1916 гг.

Прежде всего можно констатировать, что в ходе промышленной революции заметно ускорившиеся экономические, технические, социальные и политические процессы определяли XIX век в Европе. Поэтому можно говорить об общеевропейском модерне. Социальное расслоение, как результат радикальных экономических перемен и кризисов привело к распространению нищеты и пролетаризации и тем самым связало самые разные формы выражения индивидуальной и коллективной утраты уверенности в себе. Эти феномены, наблюдавшиеся во всем западном мире, в центрально-европейском регионе значительно обострились благодаря специфическим этнически-культурным, религиозным и языковым различиям. Усиление этих вызванных модернизацией диверсификаций вновь обретенным культурным и языковым многообразием прежде всего в городских центрах империи Габсбургов, привело, наряду со способствованием креативных процессов, и к усилению крахов и кризисов идентичности.

Рефлексивное восприятие этих феноменов может быть реконструировано в ходе изучения жизни интеллектуалов поколения 1900 г. Характерно наличие множества замечаний, касающихся прежде всего двух центральных тем: во-первых, оценки внешнего мира, иными словами политически-социального положения монархии, во-вторых, конфликта с собственным Я. И даже

если определившиеся интеллектуальные позиции, по существу, могут быть реконструированы в рамках науки, то различные стили мышления нельзя полностью отделить в мысли от венаучного контекста жизненного мира, существовавшего в Вене на рубеже веков, а, возможно, их следует рассматривать в какой-то степени и как процессы реакции. Так, Карл Ахам подчеркивает в этой связи, что наверняка не случайно, «что именно в этом столь разнородном в социальном и этническом плане пространстве возникли психоанализ, феноменология, логический эмпиризм, австромарксизм и социология знания» [Aham, 1900, s.42]. Известный венский архитектор Отто Вагнер пишет в 1895 г. (в «Архитектуре модерна»): «Великие социальные перевороты всегда рождали новые стили. Следовательно, искусство и его так называемый стиль всегда был совершенно аподиктическим выражением идеала прекрасного, характерного для определенного периода времени. <...> Можно, пожалуй, смотреть как на доказанное положение на тезис, что искусство и художники постоянно репрезентируют свою эпоху. То, что наша столь сильно подвижная вторая половина века тоже ищет выражения, ищет формы для наиболее подлинного выражения ее в искусстве – это, само собой разумеется» [Wagner, 1985, S. 270f].

И Рудольф Карнап, который был попутчиком Витгенштейна в философии вплоть до личного разрыва, произошедшего между ними в 1932 г., делает в своем предисловии к «Логическому построению мира» (1928) замечание, которое прекрасно вписывается в эти размышления. Там говорится: «Мы чувствуем внутреннее родство той установки, которая лежит в основе нашей философской работы, с той духовной установкой, которая в настоящее время оказывает влияние на все другие области жизни; мы чувствуем, как эта установка выражается в течениях, существующих в искусстве, в особенности в архитектуре, и в тех движениях, которые прилагают усилия, направленные на придание осмысленной формы человеческой жизни: личной и общественной жизни, воспитания, внешних порядков в общем и целом. Здесь мы повсюду чувствуем ту же самую основную установку, тот же стиль мышления и созидательного действия» [Carnap, 1928, S. V f].

Следует пояснить, в какой мере мы должны вовлечь в наши исследования социально-экономические и культурные жизненные контексты, в которые включена интеллектуальная работа.

С начала 80-х гг. прошлого века мы могли зафиксировать и растущий интерес к венскому модерну. В своей работе «Вена Витгенштейна» Тулмин и Яник при этом впечатляюще показали тесную связь и взаимозависимость, существующую между интеллектуальными представителями монархии Габсбургов. Причина этого, возможно, состояла в том, что центральные постмодернистские движения и характеристики, такие как фрагментирование, делегитимация или релятивизация, уже были предварены в различных контекстах венского модерна. Например, Жак Ле Ридер замечает, что венский модерн может быть понят как предвосхищение определенных постмодернистских тем [Le Rider J., 1993, p. 36]. При этом бросается в глаза, что масштабные социально-экономические процессы и изменения, происходившие на границе веков, около 1900 г., вызывая кризисы и упадок духа, воспринимались по большей части в метрополиях и там же подвергались интеллектуальной или художественной переработке.

С помощью понятий «рассеяние» (dissémination) или «раскалывание на осколки» (éclatement), например, француз Жан-Франсуа Лиотар в рамках обсуждения вопроса о легитимации знания кратко описывает пессимистический сценарий, который он – что интересно – связывает с интеллектуальными кругами, существовавшими в Вене на рубеже веков, около 1900 г. Он пишет: «Этот пессимизм, который питал поколение рубежа веков в Вене: представителей искусства Музиля, Крауса, Хофмансталя, Лооса, Шёнберга, Броча, но также и философов Маха и Витгенштейна. Они, без сомнения, расширили настолько широко, насколько только могли, сознание как теоретическую и художественную ответственность за делегитимацию» [Lyotard, 1986, S. 121]. И в этом замечании также подразумевается тезис о тесной связи теоретических, художественных, или литературных споров и противоречий, с одной стороны, и соответствующего контекста жизненного мира, в котором они возникают и развиваются, с другой стороны.

Культурный спор Витгенштейна со своим временем

В 1977 г. впервые были изданы так называемые «Смешанные заметки» Витгенштейна, одним из трех распорядителей его наследия – Георгом Хенриком фон Вригтом. Во введении к ним фон Вригт замечает, что в рукописном наследии Витгенштейна часто встречаются надписи и заметки, которые не принято относить непосредственно к тексту его философских работ. Многие из этих заметок носят автобиографический характер или касаются способа и манеры заниматься

философией, а также музыки, искусства, архитектуры, литературы, религии или культуры его времени. И фон Вригт подчеркивает в этой связи, что эти заметки личного характера часто нелегко отделить от философского текста – ведь и сам Витгенштейн не произвел такого отделения, например, используя круглые скобки.

В самих «Смешанных заметках», правда, нет никаких рукописных заметок Витгенштейна личного характера, в которых он, например, писал бы об обстоятельствах своей жизни, настроениях или отношениях с другими личностями. Издатель опустил их, о чем упомянул в своем предисловии. Но наряду с военными дневниками после своего возвращения в Кембридж в 1929 г. Витгенштейн продолжал вести очень эмоциональные личные дневники. Они среди прочего были опубликованы под названием «Движения мысли. Дневники 1930–1932/1936–1937» (*Wittgenstein, 1997*).

В работе «Витгенштейн и двадцатый век» («*Wittgenstein and the Twentieth Century*») Вригт подчеркивает, что Витгенштейну приходилось как в духовном, так и в моральном свете понимать позднюю монархию Габсбургов, в которой он родился и вырос [*Wright, 1982, p. 206*]. А в работе «Витгенштейн в связи со своим временем» («*Wittgenstein in Relation to his Times*»), которая была написана на восемь лет раньше, Вригт замечает: «Витгенштейн думал, что проблемы, с которыми он пытался справиться, были как-то связаны с образом жизни («*Lebensweise*»), с тем, как люди живут, то есть с особенностями той культуры или цивилизации, к которой он и его ученики принадлежали» [*Wright, 1982, p. 206*]. По мнению фон Вригта, для Витгенштейна характерно пессимистическое отношение к цивилизации своего времени: «он вырос в том переполненном странных противоречий плавильном котле наций и идей, которым была Габсбургская империя в поздний период...» [*Wright, 1982, p. 214*].

В дальнейшем я хотел бы указать на некоторые общие замечания Витгенштейна о ситуации, сложившейся в его время, прежде всего в том, что относится к культурным и историческим тенденциям. Витгенштейн никогда не занимался более подробно или в более широком плане социальной и культурной средой своего времени. Поэтому нам остается – довольствоваться его замечаниями в рукописях и «Смешанных заметках». Что в этих заметках сразу же бросается в глаза, так это пессимизм Витгенштейна в отношении культуры. Но он направлен в первую очередь не против монархии, а, скорее, против «европейского духа», или, иначе, «западной» цивилизации. А она у Витгенштейна ассоциируется с понятием прогресса, как свидетельствует, например, следующее замечание: «Поймет ли или оценит ли меня типичный европейский ученый, мне безразлично, потому что он все же не понимает того духа, в котором я пишу. Наша цивилизация характеризуется словом "прогресс". Прогресс – это ее форма, а не одно из ее качеств, которые она прогрессивно развивает» [*Wittgenstein, 1992, S. 459*].

Потому Витгенштейн избрал эпиграфом к «Философским исследованиям» замечание Иоганна Непомука Нестроя о том, что прогресс сам по себе выглядит значительно большим, чем он есть в действительности.

В этом контексте Витгенштейн говорит и о проблемах «западного мира идей», до которых дошел Бетховен и отчасти Гёте. О проблемах, которые, однако, не обсуждал ни один философ, и «даже, вероятно, Ницше прошел мимо них». Быть может, эти проблемы вообще навсегда утрачены для западной философии. Это, по мнению Витгенштейна, означало бы, что никто не воспринимает развитие этой культуры как *эпос*, кроме, вероятно, тех, кто «рассматривает ее со стороны, извне». Потому Витгенштейн и пишет: «... У цивилизации заранее должны быть те, кто напишет ее эпос. Точно так же, как предвидят и предчувствуют свою собственную смерть, но не смогут сообщить о ней в виде свидетельства современника. Можно было бы, следовательно, сказать: если ты хочешь видеть описанным эпос целой культуры в завершенном виде, то тебе придется среди произведений величайших людей этой культуры искать описание того времени, в которое еще только можно предвидеть конец этой культуры – ведь позднее здесь уже некому будет это описывать. И потому нет ничего удивительного, что это будет написано только темным, неясным языком предчувствия – и понятно считанным людям» [*Wittgenstein, 1992, S. 462*].

То, что Витгенштейн для наглядного пояснения этой мысли избирает собственную смерть, которую можно тоже только «предвидеть», но не описать как нечто, происходящее в данный момент, выказывает его пессимистическую установку. И опять-таки Вригт подчеркивает в связи с этой пессимистической позицией Витгенштейна: «[он жил в эпоху заката запада, можно сказать.

Он жил в ней не только в том смысле, что он испытывал отвращение к современной западной цивилизации, но также [потому, что он пребывал] в великом восхищении веред славным прошлым этой цивилизации]» [Wittgenstein, 1992, S. 454].

Это понимание опирается также на замечание, которое Витгенштейн сделал в 1930 г.: «От прежде существовавших культур остаются руины и в конце концов пепел и прах, но над пеплом продолжают парить духи» [Wittgenstein, 1992, S. 453]. Из этого высказывания непонятно, к какому времени он относит эти «ранее существовавшие культуры». Правда, мы могли бы предположить, что он относит их к первой половине XIX в., так как Витгенштейн видит свой «идеал культуры» как продолжение «времен Шумана». Хотя это продолжение во второй половине XIX в. не смогло сохранить этот идеал. А потому, по мнению Витгенштейна, указанные годы следует вынести за скобки.

Во фрагменте письма от 2 октября 1925, г. которое предназначалось предположительно сестре Гермине, Витгенштейн в одном месте говорит о европейской культуре, которая «началась «примерно с переселением народов и достигла своей вершины – я полагаю, своей последней вершины – в 18 веке» [Wittgenstein, 2004, s. 45]. И он несколько позднее продолжает: «С началом 19 века (в духовном плане) человечество наткнулось на границу западной культуры. И тут наступает время меланхолии и юмора, ведь то и другое – это "состояния смирившегося с неизбежностью человека"» [Wittgenstein, 2004, S. 44].

Правда, Ильзе Сомавила, издатель этого фрагмента письма, равно как и дневников 1930–1932 и 1936–1937 гг., подчеркивает, что «отрезвление Витгенштейна относительно того, что касается духовного и культурного заката в Вене на рубеже столетий, все же не убило в нем всех надежд без остатка» [Wittgenstein, 2004, S. 73]. Потому Витгенштейн пишет в другом месте: «В цивилизации большого города дух может запечатлеться только в каком-то уголке. При этом он однако не выступает как нечто атактистическое и излишнее – нет, он парит над пеплом культуры как (вечный) свидетель – словно как мститель Божий» [Wittgenstein, 2004, S. 45].

Ярче всего культурный пессимизм Витгенштейна проявляется, пожалуй, в ранней версии его предисловия к «Философским заметкам». Здесь он говорит о духе не только европейской, но и американской цивилизации. Этот дух выражает себя в индустрии, в современной музыке и архитектуре, равно как и в фашизме и социализме, и это тот дух, которому он, Витгенштейн, противостоит сам, резко отвергая его. Понятие культуры, которое он использует, создавая образ большой организации, где каждому индивиду может быть указано его место, культура служит «духу Целого», поэтому можно полагать, что Витгенштейн понимает такую систему как единую взаимоигру различных политических, социальных, технологических, художественных и других элементов.

Закодированные заметки Витгенштейна

Если мы рассмотрим записи в дневнике, сделанные в военные 1914–1916 гг., – записи, которые Витгенштейн отчасти вел тайнописью, то тоже обнаружим тесные связи между его философией и его непосредственным жизненным миром. В 1929 г. в одной из рукописей Витгенштейн читает: «Примечательно, какое облегчение кое-в-чем приносит мне возможность писать тайным шрифтом то, чего я не хотел бы писать так, чтобы это могли прочитать другие» [Wittgenstein, 1929, MS 106, S. 4]. А примерно восемь лет спустя он замечает: «Есть большое различие во влиянии рукописи, которую можно прочитать легко и бегло, и рукописи, которая была написана сложно и не так легко поддается расшифровке. В ней можно хранить мысли, словно в шкатулке» [Wittgenstein, 1929, MS 106, S. 4]. Витгенштейн скрыл, словно в тайной шкатулке, какие-то свои записи, сделанные, вероятно, втайне от всех. Имеются в виду прежде всего его записи, сделанные во время Первой мировой войны и изданные после его смерти как «Дневники 1914–1916 годов»: они предваряют опубликованное в 1921 г. главное философское произведение Витгенштейна – «Логико-философский трактат».

В этих записях, которые велись более двух лет, четко прослеживается тесная связь личных или, иначе, «нефилософских», замечаний и рассмотрения Витгенштейном логических и метафизических вопросов. Эти ранние дневники содержат записи, интересным образом разделенные на закодированные и незакодированные. Витгенштейн строго придерживался принципа: на левой стороне страницы помещал замечания личного порядка, используя тайнопись, а все философские замечания писал обычным образом на правой ее стороне. Тайнопись сводилась к

тому, что порядок букв алфавита менялся на обратный, например, вместо «а» использовалось «z», вместо «b» – «у» и т.д.

В 30-е гг. и позднее Витгенштейн прибегает к тайнописи в своих дневниках только в отдельных случаях. По большей части такие замечания выражены в виде фрагментов или афоризмов, которые, правда, уже не находятся в непосредственной связи с его философскими замечаниями. В наследии Витгенштейна имеется приблизительно 450 фрагментов текста с заметками, выполненными тайнописью.

Наряду с замечаниями личного характера есть записи, посвященные прежде всего той сфере, которая в трактате обозначена как «то, о чем нельзя сказать» или как «невыразимое», т. е. этике, эстетике и религии. Часто встречаются мысли об истории культуры или о философии, при этом Витгенштейн полагает, прежде всего собственное понимание того, как надо заниматься философией. Для нашей работы важно отметить то, что многие из его закодированных заметок касаются внешних обстоятельств жизни Витгенштейна, таких как первые годы войны или одиночество в блокадзе в Норвегии. Тесное переплетение философии Витгенштейна с его жизненным миром становится особенно явным, когда он пишет в начале 30-х гг.: «Движение мысли в моем философствовании должно быть созвучным истории моего ума, его понятиям о морали и соответствовать пониманию моего положения» [Wittgenstein, 1997, S. 125r]

Как, если угодно, завершённую форму закодированных записей можно рассматривать тома рукописей с 101-го по 103-го, которые содержат дневники военной поры с закодированными самим Витгенштейном заметками персонального характера, помещёнными на левой стороне страницы и относящимися к период от 22 августа 1914 до 10 января 1917 г. Закодированные записи не включены в официальное издание Зуркампа, осуществлённое в 1960 г., а были подготовлены и опубликованы нелегально менее двадцати лет тому назад Вильгельмом Баумом. Издание вызвало тогда большой интерес и получило признание как в Обществе Витгенштейна, так и вне его, потому что Витгенштейн до той поры был известен как холодный логик и бесстрастный философ.

В этих записях наряду с замечаниями личного характера встречается разбор религиозных, этических или, иначе, моральных, вопросов, которые отчасти рассматриваются в созданном позднее трактате. Многие записи концентрируются вокруг вопросов воли, совести, существования Бога, смысла жизни, «правильной» жизни, смерти, времени, или, иначе, вечности и современности.

Бросаются в глаза многочисленные обращения к Богу, с апреля 1916 г. – почти в каждой записи. При этом чаще всего используются формулы «Бог со мной» или «Да будет воля Твоя». Часто Витгенштейн просит у Бога «разума и сил» (13 ноября 1914 г.), «просветлить» его душу (28 марта 1916 г.) или просто молит о помощи (25 августа 1914 г, 20, 23 апреля 1916 г.).

В закодированных местах содержатся аналогичные формулировки, которые, пожалуй, объясняются прежде всего опытом, который дала война, в особенности – постоянная близость к смерти. Так, в записи, сделанной 4 мая 1916 г., в закодированной ее части говорится: «... Только тогда и началась для меня война. И, быть может, только тогда началась и жизнь! Возможно, близость смерти принесла мне и свет жизни! Быть может, Бог просветил меня. Я был червь, но благодаря Богу я стал человеком. Бог да пребудет со мною. Аминь». Несколько дней спустя он замечает, что смерть только и дала жизни ее смысл (9 мая 1916 г.).

В некоторых закодированных текстах Витгенштейн, напротив, откровенно выражает свой страх смерти и мучим также мыслями о самоубийстве. Так, он пишет предположительно 26 февраля 1915 г.: «Я совершенно покинут и потерян. Думаю, о самоубийстве» или год спустя (28.3.1916) начинает третью тетрадь неполным предложением: «...и должен лишиться себя жизни». 2 апреля он, наконец, упоминает о том, что комендант хочет «отослать его в тыл». «Если это произойдет, – продолжает Витгенштейн, – я покончу с собой».

В философской части дневников Витгенштейн опять-таки пишет о цели человеческого существования как о жизни в настоящем и, тем самым, в вечности. Запись от 20 июля 1916 г. начинается с рассуждений о сложных операциях с предложениями, которые прерываются замечанием: «Человека нельзя раз и навсегда, одним махом сделать счастливым. Тот, кто живет в настоящем, живет без страха и надежды» (20 июля 1916 г.).

Его концепции жизни в настоящем без какого-либо страха смерти – страха, который Витгенштейн считал «признаком ложной, то есть плохой жизни», – соответствует его замечание:

«Мир счастливого человека иной, чем мир несчастливому человеку» – в связи с рассуждением о «доброй» и «злой» воле. Это замечание встретится и в трактате (6.43) [Wittgenstein, 1922, S. 184].

Следовательно, во многих фрагментах обнаруживается связь исключительного, экстраординарного состояния – войны – с философскими рассуждениями Витгенштейна. Вообще многие его метафизические идеи, в том числе зашифрованные в записях, позднее вошли в трактат. Витгенштейн при описании временами мучительно трудных решений логико-философских проблем часто использует метафорические выражения из военного словаря, говоря, к примеру, что его «осаждают» философские проблемы или что он намерен «штурмовать крепость». И в 1916 г. когда жизни Витгенштейна грозила опасность, его философские заметки постоянно были посвящены этическим вопросам свободы воли, которые позднее также вошли в трактат.

В заключение можно с полным основанием утверждать, что трактат Витгенштейна следует понимать только на фоне дневников военного времени и что в этих дневниках важную роль играют сделанные тайнописью записи. Ильзе Сомавилла замечает в этой связи: «[Дневники 1914–1916] содержат существенные аспекты, которые, по моему разумению, были развиты, исходя из закодированных включений этого времени. Они передают абсолютно личное видение Витгенштейном различных тем, прежде всего – касающихся экзистенциальных вопросов как индивида, так и человека вообще в его социальном и культурном окружении» [Somavilla, 2010, S. 377f.].

Потому можно процитировать запись, сделанную Витгенштейном 1 августа 1916 г.: «Только из сознания уникальности моей жизни, возникает религия – наука – и искусство».

Примечания

¹ Исследование поддержано Российским научным фондом, проект №17-18-01165.

² Ф. Эбнер развивает философию диалога, как и М. Бубер. Работа Ф. Эбнера «Слово и духовные реальности», в которой он представляет философию языка как пневматологию, вышла в межвоенный период [Ebner, 1963].

Библиографический список

- Acham K. Die «kulturelle» Krise der Gesellschaft um 1900 und die Genese der Sozialwissenschaften // Vom Weltbildwandel zur Weltanschauungsanalyse. Krisenwahrnehmung und Krisenbewältigung um 1900 / V. Drexler, W. Sparr. (Hg.). Berlin: Akad.-Verl., 1996. 244 S.
- Carnap R. Der logische Aufbau der Welt. Berlin: Weltkreis-Verl., 1928. 290 S.
- Le Rider J. Modernity and the Crises of Identity: Culture and Society in Fin-de-Siecle. Oxford: Wiley, 1993. 380 p.
- Lyotard J.-F. Das postmoderne Wissen. Ein Bericht / P. Engelmann. (Hg.). Wien: Passagen Verlag, 1986/2012. 193 S.
- Somavilla I. Verschlüsselung in Wittgensteins Nachlass. // Sprache und Welt / Language and World. Proceedings des 32. Internationalen Wittgenstein Symposiums in Kichberg am Wechsel / V. Munz, K. Puhl, J. Wang. (Hg.). Frankfurt a/Main: Ontos Verlag, 2010. S. 367–386.
- Wagner O. Moderne Architektur // Bd. 1. Das Werk des Architekten 1860-1902. Wien: Böhlau, 1985. 422 S.
- Wittgenstein L. Denkbewegungen: Tagebücher 1930–1932, 1936–1937 (MS 183). Vol. 1: Normalisierte Fassung / Ed. I. Somavilla. Innsbruck: Haymon, 1997. 243 S.
- Wittgenstein L. Licht und Schatten. Ein nächtliches (Traum-)Erlebnis und ein Brief-Fragment. Innsbruck: Haymon, 2004. 80 S.
- Wittgenstein L. MS 106 [3-4.1929]. URL: <http://www.wittgensteinsource.org/BFE/Ms-106> (дата обращения: 11.07.2018)
- Wittgenstein L. Vermischte Bemerkungen. Werkausgabe Band 8, Frankfurt a/Main: Suhrkamp, 1992. 574 S.
- Wittgenstein L. Tractatus logico-philosophicus. London [u.a.] : Kegan Paul [u.a.], 1922. 189 S.
- Wright G.-H. von. Wittgenstein and the Twentieth Century. // Wittgenstein: Mind and Language. Dordrecht; Boston; London, 1995. P. 1–19.
- Wright G.-H. von. Wittgenstein in Relation to his Times // Wittgenstein. Oxford, 1982. P. 201–216.

Дата поступления рукописи в редакцию 28.07.2018

SCIENCE AND LIFEWORLD. WITTGENSTEIN AND HIS TIME

V. A. Munz

Alps Adriatic University of Klagenfurt, University r., 65-67, 9020, Klagenfurt, Austria
volker.munz@aau.at

The article's basic assumption is that Wittgenstein's intellectual development is inseparable from the evolution of Viennese cultural milieu at the turn of the 19th and 20th centuries. Wittgenstein's Tractatus can only be understood against the background of his wartime diaries and, in particular, his encrypted notes. These notes, which Wittgenstein was writing for over two years, demonstrate the indivisible connection between his personal, or non-philosophical, reflection and his analysis of logical and metaphysical problems. These earlier diaries contain both encrypted and plain text entries. By analyzing the principle of why some topics are encoded and others are not, it can be argued that Wittgenstein encrypts primarily the matters of personal significance and those issues which are referred in the Tractatus to as "what can't be expressed" or "unspeakable", that is topics on ethics, aesthetics, and religion. Some of these encrypted metaphysical ideas later appear in the Tractatus. The strong correlation of Wittgenstein's philosophical reflections with the exceptional and extraordinary situation of war can be observed. Wittgenstein often exploits military vocabulary for describing tantalizing search for solutions to logical problems such as being "besieged" by philosophical questions and as intending to "attack the fortress".

Key words: Viennese culture at the turn of the 19th and 20th centuries; Tractatus Logico-philosophicus; Wittgenstein's war-time notebooks; unaussprechliches, ethics.

References

- Acham, K. (1996), "Die "kulturelle" Krise der Gesellschaft um 1900 und die Genese der Sozialwissenschaften", in Drehsen V. & W. Sparr (Hg.), *Vom Weltbildwandel zur Weltanschauungsanalyse. Krisenwahrnehmung und Krisenbewältigung um 1900*, Akad.-Verl, Berlin, Deutschland, 244 s.
- Carnap, R. (1928), *Der logische Aufbau der Welt*, Weltkreis-Verl., Berlin, Deutschland, 290 s.
- Liotard, J-F. (1986), *Das postmoderne Wissen. Ein Bericht*, Herausgegeben von Peter Engelmann, Passagen Verlag, Wien, Österreich, 93 s.
- Rider Le, J. (1993), *Modernity and the Crises of Identity: Culture and Society in Fin-de-Siècle*, Wiley, Oxford, UK, 380 p.
- Somavilla, I. (2010), "Verschlüsselung in Wittgensteins Nachlass", *Sprache und Welt /Language and World*, Proceedings des 32. Internationalen Wittgenstein Symposiums in Kichberg am Wechsel, Herausgegeben von Volker Munz, Klaus Puhl und Joseph Wang, Ontos Verlag, Frankfurt, Deutschland, s. 367–386.
- Wagner, O. (1985), *Moderne Architektur, Bd. 1, Das Werk des Architekten 1860-1902*, Böhlau, Wien [u.a.], Österreich, 422 S.
- Wittgenstein, L. (1922), *Tractatus logico-philosophicus*, Routledge & Kegan Paul, Kegan Paul [u.a.], London [u.a.], UK, 189 p.
- Wittgenstein, L. (1929), *MS 106 [3-4.1929]*, available at: <http://www.wittgensteinsource.org/BFE/Ms-106> (accessed 11.07.2018).
- Wittgenstein, L. (1992), *Vermischte Bemerkungen*, Werkausgabe Band 8, Suhrkamp, Frankfurt am Main, Deutschland, 574 s.
- Wittgenstein, L. (1997), *Denkbewegungen: Tagebücher 1930–1932, 1936–1937 (MS 183), Vol. 1: Normalisierte Fassung*, Ed. Ilse Somavilla, Haymon, Innsbruck, Österreich, 243 s.
- Wittgenstein, L. (2004), *Licht und Schatten. Ein nächtliches (Traum-) Erlebnis und ein Brief-Fragment*, Haymon, Innsbruck, Österreich, 80 s.
- Wright, G.-H. von. (1982), "Wittgenstein in Relation to his Times", in *Wittgenstein*, Blackwell, Oxford, UK, p. 201–216.
- Wright, G.-H. von. (1995), "Wittgenstein and the Twentieth Century", in *Wittgenstein: Mind and Language*, Oxford University Press, Dortrecht – Boston – London, Germany – USA – UK, p. 1–19.